

МАВА 1

Она смотрела на голого мужа, прикрывающегося в углу тяжелой портьерой, и ей казалось, что она сходит с ума. Это было почти то же самое, что застать в своем доме банду грабителей, которые переворачивают весь твой дом, вспарывают подушки и матрасы в поисках денег и ценностей. И понимаешь, что надо бежать, звать на помощь, а стронуться с места — нет сил.

Банды грабителей не было. Были муж и его любовница. Они не грабили ее дом. Они грабили ее душу. Они не вспарывали ее подушки, они вспороли ей сердце.

Надо было орать, сквернословить, оскорблять их всякими мерзкими словами! Еще надо было швырять чем-нибудь в голого мужа и его бабу, возившуюся в кровати и прикрывающуюся ее пододеяльником. Любимым, шелковым, между прочим! Ей этот пододеяльник вместе с простыней и наволочками любимый друг привез из Испании. А они на нем...

А эти сволочи на нем не пойми чем занимаются!

Да нет, конечно, понятно, чем они тут занимались в ее отсутствие. Скотством!!!

И поэтому ей надо было визжать, материться, топтать ногами, рвать все в клочья: портьеры, пододеяльники, наволочки, царапать их наглые физиономии, их бледную кожу, светившуюся в полумраке спальни особенно бесстыже.

Но сил-то, сил не было!!!

— Что это, Виктор?! — восстановив дыхание, спросила она после паузы, тянувшейся вечность.

И тут же подумала, что, если он сейчас скажет, что это не то, о чем она подумала, она его убьет. А если не убьет, то покалечит точно! На это сил хватит! Бешеная злоба, родившаяся вдруг, раздувала в ней эти силы, заставляя сжиматься кулаки.

— Это? — Его перекошенная от страха физиономия и голое левое плечо показались из-за края шторы. Виктор судорожно сглотнул. — Это Валя!

— Вижу, что не Максим! — Голос добрался до рубежа истерической ноты и завис. Пришлось отдышаться. — Какого хрена эта Валя делает в моей кровати???

— Малыш... Малыш, я все сейчас объясню, — принялся он лопотать заезженную несусветную чушь. — Это... Это не совсем то, о чем ты подумала и...

Все, это был сигнал к действию!

Первым в его голову полетел ее зимний башмак на толстой рифленой подошве. Левый. Потом правый. Оба летели, сопровождаемые ее диким истеричным хохотом. Потом была напольная ваза, а это метр десять тяжелого фарфора со вставленным в нее букетом из сухих колючих веток. Очень хотелось послать еще в угол и прикроватный све-

• *Гнев влюбленной женщины* •

тильник. Но тогда пришлось бы проходить мимо этой тетки, тихо повизгивающей и без конца причитающей: ой, мамочка. Светильник остался на месте, но вот пепельнице досталось. Она разлетелась на мелкие кусочки, столкнувшись со стеной в паре сантиметров от Витиной головы.

— Малыш! Малыш, успокойся... — лепетал испуганный супруг, не решающийся выскочить голышом из своего укрытия. — Малыш, не надо!!! Не надо, прошу тебя! Соседи...

— К черту!!! — надрывалась она, бегая по спальне в поисках тяжелых предметов, способных летать. — Пусть знают, какая ты сволота!!!

— Малыш, я могу все объяснить... — блеял Виктор, кутаясь в портьеру. — Это не то, о чем ты подумала...

Добила ее его эрекция, которую тяжелый шелк не способен был скрыть. И Витя, как ни старался, не сумел этого сделать. Она все заметила.

Господи! Эту сволочь заводил ее гнев!!! Эту сволочь заводило ее бешенство!!!

— Убирайся!!! — взревела она, кровь ударила ей в голову.

И, пренебрегая гадливостью, она добралась все же до прикроватного светильника. Схватила его за ножку и, выдернув шнур из розетки, принялась наносить Витьке удары один за другим. Один за другим.

Витька выл, его толстая бабища Валя тоже выла, елозя жирной задницей по ее шелковой простыне, которую ей...

А, это неважно уже было. Все равно комплект из Испании теперь шел на выброс.

Что было потом, она помнила смутно. Кажется, она споткнулась и упала. Или это Витька с силой оттолкнул ее от себя, и она, пролетев метра два, приземлилась навзничь на пол. Или его бабища схватила ее сзади за волосы и дернула так, что она упала.

Не помнила, и все! Вообще ничего! Когда пришла в себя, обнаружила, что сидит, привалившись спиной к стенке. В руке зажат шнур от прикроватного светильника. Голова болит так, что моргать больно. Нос не дышит, потому что она плачет. Губы вспухли то ли от падения, то ли оттого, что она плачет. И еще обнаружила, что где-то в квартире надсадно орет ее телефон голосом Григория Лепса.

Это звонил ее дружище — Гера. Он же Герыч, он же Герасим, он же Геральд Эдуардович Зотов — тридцатипятилетний холостяк, всю свою сознательную жизнь потративший на какие-то поиски, раскрытие преступлений, восстановление справедливости.

— Зачем тебе это надо?! — вопрошала она не раз, приводя в порядок его холостяцкую берлогу. — Займись лучше собой! Займись поиском собственного счастья. Раскрой секрет собственной удачи! Восстанови, наконец, справедливость в этом долбаном деле со своим наследством! Тебе что, в чужом говне нравится возиться?!

— Нет, — лениво отзывался Геральд. — Не нравится.

— Чего тогда?

• *Гнев влюбленной женщины* •

— Азарт поиска, — зевал Геральд ей с дивана. — И у меня это получается. А отобрать у сеструхи трешку, завещанную матерью, не могу.

— Ее не надо отбирать. Просто нужно заставить ее поделиться, Гера!

— Она поделилась, — он обводил руками тесную однокомнатную халупу на окраине города.

— Это несправедливо, Герыч!!! — кипятилась она.

— В жизни мало справедливости, поверь мне, подруга, — и дружище закрывал глаза, давая понять, что разговор окончен. Но мог и добавить, будто сквозь сон: — Она мне родной человек. Единственный оставшийся родной человек из моего прошлого. Что же я с ней из-за каких-то сраных метров стану насмерть биться?

Аргумент убийственный, ей всегда в этом месте нечем было крыть.

У нее родни было навалом, порой даже дышать трудно от такого количества сестер, братьев, теток и племянников. Представить себя один на один с суровой действительностью — когда не к кому податься, некому руку подать, не у кого взять в долг, остаться переночевать или просто заскочить пообедать, потому что на обед было что-то невероятно вкусненькое, — она не могла.

Ее всегда окружала шумная толпа родственников. И в будни, и в праздники. И она их всех любила. И ее любили тоже. А после смерти родителей особенно. И почему-то ей казалось, что не стали бы они с ней биться насмерть из-за квадратных метров, и обманывать не стали бы, и не посмели бы ничего отобрать. Как Геркина сестра — долговзая

пожилая дама, вырастившая непутевых сыновей-близнецов и считающая, что весь мир ей обязан только за то, что она когда-то кого-то произвела на свет, потом мучилась — воспитывала, теперь страдает, наблюдая за иждивенцами-сыновьями.

У нее все было по-другому. Все было лучше, чище и правильнее.

Так она считала еще сегодня утром, когда собиралась на работу и готовила завтрак своему мужу Виктору. Вкусно все получилось: сырники со сметаной, кофе со сливками, овсянка с курагой. Он любил с утра пожрать посытнее — ее невероятно милый и уступчивый супруг. У которого сегодня что-то вдруг случилось, о чем она вдруг не так подумала!

— Да, — ответила она Геральду, еле добравшись до телефона.

— Что с тобой, Оля? — раздался в ухе насто-роженный голос друга.

— Со мной? А что со мной? — она истерично хохотнула. — Со мной все как раз нормально!

— Да? А чего Люська мне звонит и верещит, что у тебя наверху смертоубийство?

Люськой была ее соседка снизу, отчаянно набивавшаяся Оле в подруги. Оля была и не против поначалу: а чего не дружить-то? Но потом поняла, что погорячилась. Люська тут же начала отвоёвывать слишком много пространства в ее личной жизни. Слишком! От нее невозможно было избавиться даже тогда, когда отчаянно хотелось побыть одной. И Оля установила определенные пределы. Люська тут же сникла, пыталась обидеться, но затем все же приняла условия. Они дружили, но не слишком

тесно. Олю это устраивало. Люська же скрипела зубами и молчала. Но при каждом удобном случае пыталась внести смуту в их с Геркой давние дружеские отношения.

— Не могут дружить мужчина и женщина, Оля! Не могут! — восклицала она каждый раз, как Геральд засиживался у Оли допоздна, а то и ночевать оставался на диванчике для гостей. — Это не есть норма!

— Он мне как брат, дурочка, — хмыкала снисходительно Оля и трепала Люську по ершистой макушке. — И это уже давно и навечно...

Но соседка упорно стояла на своем, а однажды и вовсе заявила, что Геральд тайно влюблен в Олю.

— Дура!!! — взревела тогда Оля и даже хотела выставить соседку вон. — Какая же ты дура, Люська!

— Ничего я не дура. Я не слепая. Я вижу, как он на тебя смотрит. Хочешь, расскажу?

Оля не захотела, и встречи свои с соседкой снизу сократила до минимума. Последний раз они встречались, дай бог памяти, почти три недели назад. Пили чай с тортом, который принесла Люська. И осторожно говорили о погоде, катаклизмах в природе, задерживающих выпадение декабрьского снега, и о новинках кинопроката. Тему взглядов Геральда Люська больше не затрагивала. Видимо, поняла, что себе дороже.

— Оль, чего молчишь? — повисил голос Геральд. — Что у тебя там в доме?

— В доме?! А в доме у меня голый Витя случился, дружище! Голый Витя и голая Валя в моей кровати! — вибрирующим от слез голосом проговорила

Ольга. — На белье, которое ты мне привез из Испании, Гера!!!

Геральд смачно выматерился, надолго замолчал. А она все это время, пока он молчал, рыдала и приговаривала:

— Я же ему никогда, Гера... Даже в мыслях никогда... За что, Гера??? Что во мне не так??? У этой Вали синие ляжки!!! Ты можешь себе представить, что у нее вот такая жопа!!! — Она развела руки на метр, тут же спохватилась и вернула руку с телефоном к уху. — В ней сто двадцать килограммов жира, Герыч!!! Она рыхлая и страшная!!! Ее ляжки сизого цвета и трясутся!!!

— Прекрати, меня сейчас вырвет, — вдруг встал он.

— А его не рвало, представляешь!!! — заорала она тонко и пронзительно. — Ему было очень даже с ней... Он... С утра я накормила его таким вкусным завтраком... Он...

— У него что, сегодня выходной? — вдруг перебил ее Геральд.

— Нет... — Она подумала немного и пожала плечами. — Вообще-то не знаю точно. Давно не слежу за его графиком.

— А ты? Ты раньше времени домой вернулась?

— Да нет же, нет! Все как всегда, в половине седьмого я пришла домой. А они в моей спальне!

— Наверное, уснули, — банально предположил сыщик Геральд Зотов.

И она, тут же представив картину любовных утех, сморивших любовников, разревелась в голос.

• *Гнев влюбленной женщины* •

— Ладно, не реви. Скоро буду, — пообещал Геральд и отключился.

Явился он через час, и не один, а на пару с Люськой. У Геральда в руках пакет с выпивкой и закуской. У Люськи огромная картонная коробка, в которую она тут же принялась сгребать с ее постели белье, подушки, одеяло. Все молча, деловито, со скорбно поджатыми губами. Потом, не побоявшись надорваться, оттащила коробку к мусорным бакам. Вернулась и начала накрывать на стол. Гера тем временем сидел тихонечко на диване, позволяя Оле пачкать его фирменную вельветовую рубашку слезами и соплями.

— Все! Идите! — скомандовала Люська через полчаса. Глянула на Олю, осуждающе качнула головой и скомандовала: — Быстро умойся!

Оля умывалась долго. Ледяная вода не помогала остановить слезы, комок в горле тоже не проглатывался. Она плескала и плескала себе в лицо пригоршни холодной воды, ловила вспухшими губами ледяные струи. Бесполезно! Но потом вдруг замерзла. И горло начало саднить. Оля пустила теплой воды, набрала полную раковину и опустила туда голову. Помогло! Щеки порозовели, в глаза брызнула каплями, чтобы исчезла краснота. Волосы чуть посушила, причесала, сняла вымокшую кофточку, надела черную футболку, сушившуюся в ванной. И пошла на кухню.

— Ну, вот же! Милое дело! — похвалила ее соседка мягким голосом, значит, уже выжрала. — Присаживайся.

Оля села на свое любимое место — спиной к окну. Взяла из рук Геральда полную рюмку с водкой и выпила ее одним глотком. Закусила маринованным огурчиком. И еще выпила. И еще. Странно, не пьянела. Но приятно успокоилась.

— Что думаешь делать? — спросил Геральд, заметив в ней перемену.

— Простишь?! — хищно сузила черные глазищи Люська.

— Нет, конечно, с ума сошла, да? — отмахнулась от нее Оля и потянулась к пережаренным бифштексам. Люська совершенно не умела готовить, хорошо еще, что совсем не сожгла.

— А что? — Геральд смотрел на нее поплывшим взглядом — он заметно охмелел.

— Выгоню!

— А сейчас он где?

— Не знаю, — Оля пожала плечами. — Даже не помню, как они убралась. Кажется, была драка?

— Грохот жуткий. Я перепугалась. — Люська прилепила маленькую ладошку к груди. — Помчалась наверх, а они мне навстречу. Бегом! Я к тебе постучалась, а в квартире тихо. Я и давай Герасиму звонить.

— Молодец, — похвалил Гера и мягким ласкающим движением тронул ее за щеку. — А то бы ревелла наша Оля до завтрашнего утра. И не понимала бы, как ей повезло.

— Мне??? Повезло??? — ахнула она и снова выпила. — Издеваешься???

— Нет. — Гера тяжело мотнул головой. — Я давно говорил тебе, что Витька засранец.

• *Гнев влюбленной женщины* •

— Так ты знал?!

— Нет, конечно, — перепугался сразу друг. — Если бы знал, башку бы ему оторвал еще вчера! Просто предвидел, что все этим закончится.

— Но ведь никогда, Гера! Никогда ни малейшего повода... — начала было она утверждать и тут же осеклась.

— Что?! — выпалили ее гости, напружинив спины, плечи, шеи.

— А ведь было, ребята! Было однажды!

Ей вдруг вспомнилось прошлое лето, когда Витька с чего-то зачастил на их недостроенную дачу. Вернее, она была достроена, но с отделкой дело тормозилось. И Оля не любила там оставаться на ночь, днем — пожалуйста. Днем там было хорошо — деревья, трава, цветы, солнце. Озерцо в десяти метрах от их изгороди. Оля загорала, купалась, рвала цветы, составляли из них мудреные букеты, которые даже прагматик Гера находил прекрасными. Она готовила на походной газовой плитке, поло-скала посуду и овощи в ведрах с родниковой водой. И ей это нравилось. Но ночевать она все же предпочитала дома. А вот благоверный вдруг начал там оставаться, и довольно часто. И однажды...

— Я как-то приехала в пятницу вечером, а его нет. Первый раз, кстати, собралась там переночевать! Звоню, а он докладывает, что ему выходные перенесли с субботы и воскресенья на следующие среду и четверг, — принялась она рассказывать. — И он, мол, не приедет, как обычно. Мы ведь обычно там с ним встречались. Ехать из разных районов, смысла не было время терять на то, чтобы переса-